

А.Н. ДАНИЛОВ

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО МИРА И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Рассматриваются основные результаты системной трансформации в странах постсоветского мира, особенности их интеграции в условиях глобального финансового кризиса, прогнозируются контуры нового мирового порядка.

The article considers the main results of system transformation in countries of the post Soviet world, the peculiarities of their integration in conditions of the global financial crisis. Contours of the new world order are forecast.

В нынешнее, переломное для всей цивилизации время особенно важно вникнуть в глубинную суть процессов постсоветской трансформации и взаимосвязанный с ними процесс интеграции, понимая, что от их социальных последствий во многом зависит будущее нового миропорядка. Именно восточноевропейская проблематика в течение новейшего времени – от завершения Второй мировой войны до наших дней – сохраняет ключевое значение для судеб мира, определяя важнейшие тенденции развития человечества. Но насколько этот новый, возникающий миропорядок органичен? Насколько он жизнеспособен и принесет ли те преимущества, надежда на которые побудила целые народы поверить новым пророкам?

Мир интенсивно изменяется, и глобальные тенденции все больше проявляются в развитии ставших суверенными бывших республик СССР. Эти страны с обретением суверенитета вначале «разбежались по национальным квартирам», а затем начался сложный процесс осознания своего нового статуса и положения в мире, собственного самоопределения, выбора новых/старых партнеров, притягивания к более сильному или близкому полюсу. В качестве этих полюсов сегодня выступают Запад (ЕС, НАТО, США) и Восток (восстанавливающая былую мощь и влияние Россия). Пока еще силы притяжения у этих полюсов не равны и по-

этому возможны промежуточные варианты с собственным путем развития. Конечно, это перераспределение и расслоение суверенных государств существенно тормозит интеграционный процесс на новых условиях. К тому же неожиданный мировой экономический кризис, последствия которого сегодня еще трудно предсказуемы, также явился его сдерживающим фактором. Но, как мне представляется, именно в связи с возникновением глобальной кризисной ситуации возможно увидеть завершение очередного этапа системной трансформации и очертания нового, уже более устойчивого многополярного мира.

Распад СССР и переход к однополярному, «несбалансированному» миру после 1989–1991 гг. привели к повсеместному усилению социального неравенства и росту глобальных рисков. Обретение суверенитета бывшими союзными республиками стало новым испытанием, проверкой на прочность исторически сложившейся стратегической линии на их интеграцию. В этих сложных условиях обостренного восприятия национального надежда на интеграцию Беларуси с Россией и Украиной всегда оставалась. На каком-то этапе развития в силу вполне конкретных обстоятельств этот процесс мог ускоряться или замедляться, но на генетическом уровне он всегда оставался стратегически обусловленным, а значит, воспроизводимым. В настоящее время, к сожалению,

наблюдается некий процесс дистанцирования братских республик друг от друга. Если в ближайшее время Россия не проявит большей мудрости и дальновидности, Беларусь вслед за Украиной может активизировать западный вектор своей политики, так как долго находиться на распутье и быть равноудаленными или равноприближенными они не могут.

Мировой экономический кризис, ситуация с «цветными революциями» в странах постсоветского мира вновь обострили вопрос о сути происходящих перемен. В условиях доминирования национального государства и кризисы носили общенациональный масштаб, в глобальном мире с условными государственными границами и максимальной взаимозависимостью любые катаклизмы носят уже глобальный характер. А значит, совершенно по-иному предстоит рассматривать вопросы стратегии развития новых независимых государств, места в ней интеграционного процесса, внешнего влияния, очередной волны геополитического разлома. Возможно ли в новых условиях блоковое противостояние, гегемония только одного, даже очень сильного, государства? Все это возвращает нас к опыту начального периода трансформационного процесса, заставляет более точно оценить истоки, движущие силы и уроки столь масштабных перемен, имевших место на рубеже последних веков.

Безусловно, изменения, охватившие страны Центральной и Восточной Европы, можно определить как системные, затрагивающие весь спектр общественной жизни, политику, экономическую и социальную структуры, духовную жизнь. С распадом СССР этот процесс мировой трансформации обрел новые качественные признаки. Мир стал однополярным, многие международные структуры, созданные в качестве противовесов в конкуренции двух сверхдержав в период «холодной войны», потеряли свою значимость. В новых странах кардинально изменились политические и государственные системы, приняты новые конституции. К настоящему времени практически во всех образовавшихся государствах развивается рыночная экономика, хотя и государственный сектор продолжает играть важную роль. Произошла либерализация общественной среды, изменились общекультурный ландшафт, система ценностей и приоритетов, социокультурных

предпочтений различных социальных групп населения.

Системная трансформация в постсоветских обществах стала результатом глобальных и региональных, социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов. Однако то, что Беларусь, как и другие страны СНГ, долгое время входила в состав СССР, не могло не отразиться на тесных экономических и социальных связях между ними, хотя в отдельных случаях избежать возникновения конфликтных ситуаций не удалось. Содержание и динамика современных переходных процессов обладают рядом типологически сходных черт.

1. Современные постсоветские общества имеют ярко выраженную транзитивность, характерной особенностью которой является кризис всех сфер жизнедеятельности общества, связанный со сменой ценностей и приоритетов.

2. Все новые независимые государства оказались в условиях двойного транзита, поскольку переход к глобальному информационному обществу осуществляется параллельно с переходом от закрытых, жестко структурированных социально-политических систем к открытому обществу.

3. Постсоветским государствам свойственны противоречия как развивающихся стран, так и высокоиндустриальных государств, что обусловлено их историческими и социально-экономическими особенностями. Открытость и многовариантность догоняющего развития предопределила возможную нелинейность социальных процессов и неустойчивость любых тенденций в постсоветских обществах.

4. Исходным пунктом поступательного движения вперед постсоветских обществ стал развал советской социалистической системы, а конечной целью их трансформации явилось построение демократического общества с развитой рыночной экономикой. Идентичность внешних глобальных вызовов способствовала тому, что некоторые из проблем стратегического характера постсоветские государства пытались решить совместно.

5. Во всех этих государствах неизбежным было столкновение традиционных для данной национальной политической культуры ценностей и норм политической жизни с новыми, современными тенденциями и элементами политического развития, модерни-

зационными институтами, которые не могут без серьезного видоизменения прижиться в обществах догоняющего развития.

В результате анализа общих тенденций социально-экономического и политического развития всех постсоветских обществ можно выделить основные направления и этапы переходных процессов:

а) в политической сфере они происходили в направлении от полностью контролируемой государством централизованной политической системы к более децентрализованной и демократической форме государственного управления;

б) в институциональной сфере переход осуществлялся от системы централизованного планирования к институтам рыночной экономики;

в) в экономике переходный период характеризовался дезинтеграцией единого экономического пространства бывшего Советского Союза и СЭВ, приведшей к нарушению торговых и финансовых связей и связей между рынками рабочей силы.

Наиболее общая схема переходного процесса предполагает, что в каждом из этих трех направлений он осуществлялся в два этапа.

Первый этап отличался экономическим спадом, дезинтеграцией и разрушением существующих политических, институциональных и экономических связей. Либерализация цен в этот период сопровождалась сокращением участия государства в экономическом регулировании и снижением его роли во всех сферах жизнедеятельности общества.

Второй этап – подъем, проведение реформ в каждой стране и реинтеграция этих стран в рамках новых экономических и политических структур. При этом наблюдались существенные различия в темпах и масштабах реформ.

На первом этапе преобразования были направлены на быстрый переход к рыночной, экономической модели и технологическую модернизацию. При этом проблемы социальной сферы рассматривались как периферийные. Однако в последние годы даже в странах, где население почти единодушно выбрало либерально-демократический путь развития (Польша, Венгрия, Восточная Германия), наблюдается нарастание недовольства населения и разочарование в результатах экономических и политических преобра-

зований. В 1990-е гг. страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) под эгидой Всемирного банка начали активно проводить социальные реформы.

Для большинства постсоветских обществ второй этап реформ характеризуется усилением государственного протекционизма, особенностью которого являются высокие патерналистские ожидания населения и склонность бюрократии к воспроизведению традиционных для нее распределительных методов. В результате многие социальные программы на практике оказываются формой административного распределения тех или иных производственных ресурсов. По сравнению с другими странами бывшего соцлагеря (например, странами ЦВЕ), где усиление протекционизма совпало с финансовой стабилизацией и решением основных задач на макроэкономическом уровне, в странах СНГ протекционистская политика проводилась при отсутствии макроэкономической стабильности, что создало объективные трудности для дальнейшего развития реформ.

Особенностью переходного периода в постсоветских обществах является незавершенность их институциональной трансформации. Принадлежность всех постсоветских государств к одному типу общества (советскому) породила, во-первых, общие черты их институционального устройства, а во-вторых, проблемы, связанные с его изменением. Хотя наличие в постсоветских государствах формальных институтов, присущих демократическому обществу (конституция, центральные конституционные органы, избирательная система, парламент, многопартийная система, всеобщие выборы), и позволяет предположить, что институциональная трансформация закончилась, однако новые формальные институты пока недостаточно сформированы, чтобы определять трансформационные процессы, и пока еще уязвимы для их использования в интересах элит, а власти в значительной мере отчуждены, дистанцированы от рядового населения.

При определенных общих трансформационных закономерностях у каждой постсоветской страны вырабатывались собственные стратегии развития, что повлияло на масштабы, скорость и последовательность проведения реформ.

Основными факторами трансформации постсоветских обществ являются:

1) «внешние» – социокультурные контакты с уже существующими центрами «универсальной мировой культуры», воздействие со стороны «глобализованного общества»;

2) «внутренние» – успешность трансформации во многом зависит от того, насколько процесс изменений протекает органично, т. е. имманентно вписывается в национальные институты, воспринимается обществом или хотя бы значительной его частью как естественный и поддерживается ими. Становится очевидным значение, которое имеет для понимания сущности модернизационных процессов конкретное содержание традиционности, воспроизводимое данным обществом, т. е. совокупность устойчивых практик жизнедеятельности, репродуцируемых данным обществом, институционализированный в данном сообществе «социальный порядок».

Отметим, что в условиях постсоциалистических трансформаций традиционность сама по себе оказалась неоднородной в силу того, что включает элементы, относящиеся к стадияльно-различным укладам (национальные традиции и приобретенные в советский период). Отсюда и общая типологическая схожесть сложившейся в настоящее время ситуации в постсоветских обществах, и дисперсия вырабатываемых населением адаптационных реакций.

Социальные последствия трансформационных процессов в странах, имеющих общие типологические черты и тенденции развития, в значительной степени определяются уровнем государственного влияния в сфере экономики, а также государственной политикой в социальной сфере (контроль государства над балансом экономического и социального). При этом высокие темпы экономических и социальных изменений вынуждают постсоветские государства осуществлять периодическую смену приоритетов и акцентов между стимулирующей (экономической) и стабилизирующей (социальной) функциями государственной политики, а также вырабатывать новые механизмы государственного контроля над балансом экономических и социальных издержек в ходе решения государственных программных задач.

Одним из факторов, определивших глубину трансформационных процессов, оказался выбор приоритетных направлений реформирования, а также способа (пути) их осуществления. В рамках общей направлен-

ности переходных процессов бывшими республиками СССР реализовывались различные концепции этого перехода: от одновременного и резкого во всех сферах в сочетании с ослаблением позиций государства («шоковая терапия») до постепенного замедленного поэтапного с сохранением государственного контроля в полном объеме (эволюционный путь развития). Ряд государств (Украина, Казахстан, Россия, Кыргызстан) придерживались стратегии быстрого реформирования, характерными чертами которого были: «шоковая терапия» в экономике и социальной сфере, ускоренная ликвидация старых управленческих структур и форсированное создание рыночных институтов. В то же время Беларусь, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан пошли по пути эволюционных преобразований, в большей степени сохраняя методы государственного регулирования в экономической и социальной сферах.

Государственное регулирование социальной сферы в переходный период представляет собой сложное сплетение различных моделей социальной политики. В Казахстане она являлась составным элементом общего курса либерализации политической системы, а ее теоретической базой стала либерально-консервативная модель. Система социального обеспечения в этой стране была приватизирована уже на первом этапе реформирования в 1992–1993 гг., после чего государство в значительной степени сняло с себя социальную ответственность перед населением, переложив эти обязательства на самих граждан. Очевидно, что это явилось результатом как неэффективности прежней социальной политики, так и следствием реформирования всех других, связанных с этой сферой отраслей экономики.

Другая модель – промежуточная (Россия) характеризуется попытками государства сохранить консервативную преемственность в социальной сфере. В основу реформ в сфере социальной поддержки населения был положен принцип предоставления преимущественно адресной социальной помощи и лишь тем домохозяйствам, фактическое потребление которых находится ниже уровня прожиточного минимума. Для России проблема адресной социальной поддержки малоимущих представляется наиболее актуальной. В социальной политике всех постсо-

ветских государств произошел переход от патернализма к субсидиарности, характеризуемый постепенным отказом от простых одномерных решений в пользу сложных, наиболее полно учитывающих многомерность складывающейся новой социальной структуры.

Иная по сравнению с Россией и Казахстаном модель реформирования социальной сферы сложилась в Республике Беларусь. Это, во-первых, государственное управление экономикой как сознательное воздействие государства на экономические процессы (их регулирование), и прежде всего непосредственное управление государственным сектором экономики; планирование и прогнозирование социально-экономического развития страны.

Во-вторых, двухсекторная, смешанная экономика (с одной стороны, это оптимально сочетающиеся рыночный и нерыночный секторы, а с другой – находящиеся в определенном соотношении государственный и негосударственный секторы). Приватизация в Беларуси не стала самоцелью, как это было в России, а рассматривается в качестве средства привлечения стратегических инвесторов и повышения эффективности производства.

В-третьих, экономический патернализм. Помощь государства предприятиям разнообразна: предоставление льгот и преференций по таможенным и налоговым платежам, тарифам на энергоресурсы; реструктуризация задолженности перед бюджетом; право самостоятельного распоряжения средствами инновационных фондов и т. д.

В-четвертых, социальный патернализм государства.

Основным элементом белорусской институциональной системы является государство, ориентированное преимущественно на административно-правовые методы управления. При этом рычаги рыночного регулирования функционируют как вспомогательные. В результате возможности проведения модернизации экономики за счет предпринимательской активности ограничены. Основным источником финансирования технического перевооружения в этих условиях остаются средства государственного бюджета, самих организаций (предприятий, банков и пр.), а также заемные средства, предоставляемые под гарантию государственных органов.

Реформы, проводимые правительствами вновь возникших государств, поставили население перед необходимостью выработки новых поведенческих стратегий, соответствующих социально-экономическим реалиям. Анализ стратегий и форм социальной адаптации населения постсоветских государств в переходный период позволил сделать вывод о том, что обнаружившиеся адаптационные возможности, по сути, обеспечивают необходимую взаимосвязь между двумя уровнями преобразований: социально-политическими и социально-экономическими задачами, которые ставят перед собой правительства постсоветских государств, и повседневными практиками, осуществляемыми населением. В силу исторических обстоятельств стратегии адаптации неминуемо наследовали некоторые элементы и установки советского опыта, но фактически они представляли собой принципиально новые стратегии выживания, максимально учитывающие специфику происходящих вокруг изменений.

Преобладающей формой приспособления большинства населения постсоветских стран является пассивная адаптация. На практике около 70 % населения Беларуси и свыше 70 % россиян при решении материальных проблем прибегают к стратегии «затягивания поясов» (либо ничего не предпринимают, либо снижают уровень своих потребностей, либо «стараются жить по средствам»). Лишь около 20 % жителей этих стран практикуют инновационные формы адаптации и пытаются всеми возможными способами поднять свой жизненный уровень. Наиболее инициативными в попытках решения своих проблем оказываются жители Казахстана, где 41 % респондентов заявили о том, что повышают свой доход всеми возможными способами.

Особенности эволюционного пути развития (на примере Беларуси) определяют выбор населением множественной занятости и ориентацию на получение государственных социальных трансфертов (как основных адаптационных стратегий). Модернизационный путь развития (на примере России и Казахстана) в условиях экономической рецессии приводит к тому, что основными адаптационными стратегиями населения становятся единичная занятость с ориентацией на получение высокого и стабильного дохода и самозанятость (предпринимательство). При

этом более высокая оценка жизненной ситуации в целом, высказанная казахстанскими и белорусскими респондентами, касается практически всех сфер жизни общества. И наоборот, практически по всем параметрам оценка положения дел в стране российскими респондентами более негативна.

Трудно было ожидать, что мир в результате этих перемен быстро станет более устойчивым. Не располагая достаточным потенциалом для структурной перестройки и не будучи полностью включенными в мировой интеграционный процесс, многие страны СНГ оказались не в состоянии разрешить свои проблемы. Попытки самостоятельных действий, если они и предпринимаются, постоянно наталкиваются на противодействие со стороны государств-членов различных блоков, обрекая эти страны на роль аутсайдеров в мировом цивилизационном пространстве. Практически перед каждой из этих стран стоит дилемма: либо прямое, весьма рискованное вхождение в мировое сообщество в качестве фактически неполноправного партнера, либо опосредованное, более затяжное включение через механизмы совместной интеграции путем делегирования своих полномочий другому, скорее всего политическому, субъекту.

Мировой экономический кризис только усилил угрозы новым независимым государствам. Крупнейшие мировые державы начали реализовывать планы по перераспределению истощающихся ресурсов в свою пользу (например, военные действия в бывшей Югославии, Афганистане, Ираке). Возникла и новая идеология «золотого миллиарда», согласно которой прогресс желателен и осуществим лишь в пределах западного мира. На остальных территориях целенаправленно консервируется отсталость. Более того, стали появляться теории, в которых доказывается, что и в отставании может быть прогресс.

Как показывает практика, у стран – бывших республик Советского Союза нет иного выбора, как двигаться по пути интеграции, которая предполагает сосуществование и конкуренцию альтернативных вариантов, т. е. не просто компромисс между сторонами, а оформление их интересов в новое качество развития. Человечество объективно и неуклонно продвигается ко все более тесному и всестороннему единству.

Выбор, который осуществляется сегодня на постсоветском пространстве и который в перспективе предопределит лицо западного мира, всего мироустройства XXI в., покажет, каким будет это единство и путь его достижения.

У многих аналитиков вызывает обеспокоенное беспокойство пассивная роль СНГ как международно-правового объединения постсоветских государств, созданного для координации их сотрудничества в сфере общих интересов. Преобладает мнение, что эта структура была создана как инструмент для цивилизованной формы развода бывших республик СССР, а сегодня существует только как полезный форум для встреч и консультаций на различных уровнях. Конечно, создание Содружества было прежде всего политическим шагом, призванным сохранить в том или ином виде систему экономических и культурно-исторических связей на постсоветском пространстве. И поэтому в базовых документах СНГ была сделана заявка на интеграцию высокого уровня. Учредителям казалось, что ничего не изменится, только республики станут суверенными. Поэтому в основополагающий документ Содружества – Устав СНГ – не были внесены конкретные задачи для достижения общей конечной цели, не определены обязанности сторон, а лишь готовность к взаимодействию. Приоритет в деловом сотрудничестве отдавался государствам «дальнего зарубежья», отмечалась бесперспективность попыток реинтегрировать постсоветские государства. Будущее виделось в постепенном размывании СНГ по мере вовлечения государств Содружества в международное разделение труда. При этом отмечалось, что процессы распада СНГ необратимы, а шансы реализовать задуманное, даже в более узких по своему составу объединениях государств Содружества, невелики.

Собственно, для таких пессимистических выводов достаточно оснований. Проявляется принципиально новая тенденция размежевания постсоветского мира: часть стран укрепляет свои отношения с Россией, направляя экономические, политические и культурные перспективы на Восток, другая группа стран устремлена исключительно на Запад. На постсоветском пространстве формируется совершенно новая геополитическая ситуация, которая переводит и без

того непростой процесс трансформации в некую новую неопределенную конфликтную стадию.

Однако потенциал СНГ достаточно высок. За годы его работы создана система координирующих, межгосударственных и межправительственных органов, а также значительная нормативная правовая база, определяющая принципы, формы и направления сотрудничества государств-участников в различных сферах деятельности, накоплен опыт решения общих проблем. Содружество сыграло значительную роль в ослаблении дезинтеграционных процессов, связанных с распадом Советского Союза, в предотвращении вооруженных межгосударственных и межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве, обеспечении безопасности внешних границ, сохранении многообразных торгово-экономических и хозяйственных связей между государствами-участниками. Во многом благодаря деятельности Содружества удалось сохранить и развить взаимодействие государств в социально-трудовой и гуманитарной сфере, в области энергетики, транспорта и связи, наладить сотрудничество в военной сфере, по укреплению безопасности и охраны границ. И это признают большинство государств-участников СНГ¹.

Положения учредительных документов и Устава Содружества, а также тематика вопросов, рассматриваемых Советом глав государств и Советом глав правительств, убедительно свидетельствуют, что СНГ создавалось для развития сотрудничества в различных областях деятельности, а не как инструмент «цивилизованного развода» союзных республик. По данным Н.Н. Шумского, «из 225 документов, подписанных на заседаниях Совета глав государств и Совета глав правительств Содружества в первый год после создания СНГ, только 8,6 % касалось проблем раздела собственности бывшего Союза ССР»².

Как нам представляется, странам СНГ удастся реализовать свои устремления только в том случае, если они сумеют стать деятельными участниками адекватной мировой социокультурной среды, иначе внутреннее несоответствие перемен рано или поздно взорвет их или существенно изменит природу этих стран, инкорпорируя по необходимости и предыдущий социально-

культурный опыт. «Естественный» эгоизм гегемонистской группы стран как раз более всего препятствует вращению экономик и обществ трансформирующихся стран в мировую систему, поскольку предполагает освобождение некогда занятых ими ниш. К тому же сохраняющаяся преимущественно сырьевая направленность экспорта с учетом конъюнктурной выгоды торговли на международный рынок, необходимость закупок новейших машин, оборудования и транспортных средств, других товаров, отсутствующих на рынке СНГ, приводит к сокращению уровня взаимной торговли этих государств. Вместо сохранения естественного разделения труда и кооперации государства Содружества попытались производить свои изделия по принципу натурального хозяйства. Однако, занимая в мире по площади территории 16,3 %, по численности населения – 4,5 %, по запасам природных ресурсов – 25 %, по научно-техническому потенциалу – 12 % (хотя эта цифра весьма условна), страны Содружества сегодня производят лишь 1,1 % мирового ВВП³.

В связи с этим не случайно, что на фоне экономической автаркизации в политическом плане СНГ стремительно эволюционировало к формату «клуба по интересам», отношения в рамках которого все меньше рассматривались как нечто целое, распадаясь на дву- и многосторонние («двойка», «четверка», «пятерка»). Саммиты глав государств стали утрачивать деловой характер, а их конструктивный заряд все больше ограничивался подключением «человеческого фактора» к решению проблем в межгосударственных отношениях.

Состояние интеграционного процесса во многом определяется отношениями между странами, являющимися как бы несущей конструкцией Содружества. Это – Россия, Беларусь, Украина и Казахстан. Содружество Независимых Государств стало политической ареной для самоутверждения молодых суверенных стран в мировой политике. В зависимости от задач, которые решают их национальные элиты в данный момент, и выстраивается интеграционная политика в рамках Содружества. В таких условиях разработать целостную доктрину в области международных отношений практически невозможно. Уровень и интенсивность интеграционного процесса напрямую зависит от

активности исторического и культурного взаимодействия, духовной близости стран и живущих в них народов. До сих пор остаются неурегулированными территориальные споры между Азербайджаном и Арменией (Нагорный Карабах), в Молдове (Приднестровье), что также является серьезным сдерживающим препятствием развитию интеграционных процессов в СНГ.

Однако при всех очевидных издержках и недостатках Содружество проявило себя не только как инструмент «цивилизованного развода» бывших союзных республик, но выполнило важную и крайне сложную историческую миссию – сформировало основы новых межгосударственных отношений на постсоветском пространстве.

Очевидно, что процесс системной трансформации постсоветского мира затягивается. Быстро «расташить» новые суверенные страны по новым политическим блокам и полюсам влияния не удастся. Как оказывается, все в этом мире взаимозависимо: изменения на Востоке обязательно изменят Запад; процесс трансформации постсоветского мира будет длиться до тех пор, пока Запад не признает, что и он должен преобразовываться вместе с Востоком в новую систему. Сегодня становится очевидным, что сформулированные в XIX в. понятия и идеи не в состоянии объяснить изменений XXI в. В условиях мирового экономического кризиса видно, что на Западе, как и на Востоке, нет четкого ответа на вопрос, как жить дальше.

Изменение характера развития десятков стран – чем оно закончится? Хорошо это или плохо – слом сложившегося, традиционного хода событий? Получил ли Запад в результате трансформационных перемен именно то, на что рассчитывал? Это непростые вопросы, на которые даже сегодня, спустя два десятилетия со времени начала реформ, трудно дать однозначный ответ.

Анализ процессов трансформации как системы перемен ставит перед исследователями, может быть, главнейший вопрос о том, в какой мере реформы на их завершающей стадии учитывают национальные особенности и специфику каждой страны, ее традиции и культуру. Ведь рынок, с их точки зрения, – это система принципов, будто бы не имеющая никакой связи с национальным характером народа, создающего свою рыночную экономику.

Сегодня стала очевидной старая истина о том, что перемены в жизни народов не определяются произвольными пожеланиями политиков. Во всех без исключения трансформирующихся странах, так или иначе, встал вопрос о выработке стратегии национального развития, которая признавалась бы большинством. Нынешнее время стремительной ломки системы привычных ценностей для многих людей означает потерю ориентации в окружающем мире. Уходят в прошлое ощущения безопасности, социальной защищенности и т. п. Растущая в массах уверенность в несостоятельности, коррумпированности и нечестности политических партий и их лидеров – одна из основных причин усиления влияния правого и левого радикализма. Но есть еще и другой, более важный вопрос: не подтолкнет ли разрушение сложившейся системы геополитического равновесия к новым кризисам, войнам и общей неразберихе? Для многих трансформирующихся стран существует риск из разряда высокоразвитых и высококультурных оказаться отброшенными в отсталость и нищету. Но какие бы кризисные события не происходили в этих странах, вряд ли они смогут уничтожить гражданскую солидарность и общую культуру народов, в них живущих, которые почти неизбежно проявятся при драматическом повороте истории.

Процесс социальных перемен в государствах происходит по-разному. Усиление социально-экономической дифференциации при переходе к рыночной экономике – это объективный процесс, один из основных результатов либерализации цен и заработков. Однако отсутствие эффективной социальной политики приводит к быстрому обнищанию людей и появлению социальной напряженности. Именно человек оказался в фокусе главных событий на всем обширном трансформационном пространстве: перемены политических и экономических доктрин вызвали деформацию устоявшихся социально-экономических отношений, мировоззрения, морали. Изменилась роль общественных институтов, и прежде всего государства.

Обещанное быстрое продвижение к демократии и достатку обернулось опасным обострением социальных и национальных отношений, нищетой в большинстве стран, пытающихся создать рыночную экономику. Многие страны Центральной и Восточной

Европы, Закавказья и Средней Азии по-прежнему не могут решить задачу, как вытащить экономику из трясины. Ясно, что политика трансформации вызвала огромные социальные перемены структурного характера, они коснулись всех видов и форм деятельности. Современное рыночное общество – это сложнейшая система социальных, экономических, правовых и прочих отношений, основой которой должно стать общественное согласие – главное условие нормального функционирования новой системы.

Народы положительно воспримут результаты трансформации не потому, что у них нет иного выбора, а потому, что она приведет в конце концов к открытию тех способов мирового взаимодействия, которые дадут полный простор для дальнейшего национального развития и национального действия. П. Бурдье неоднократно подчеркивал, что теоретизирование не имеет никакого значения, если оно не помогает выявлять практическое положение вещей. «Недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине»⁴.

Главный итог двадцатилетия трансформации заключается в том, что ее реальная политика должна учитывать фактор состояния культуры, морали и традиции общества. Озабоченные повседневной жизнью, мы не анализируем духовное пространство последних десятилетий. Но тому, кто в состоянии это сделать, открывается не только моральное падение общества, но и его стремительный интеллектуальный рост, к сожалению, только в отдельных «точках», но рост

неоспоримый: многие нашумевшие статьи 1980–1992 гг. воспринимаются ныне уже как никчемные пустышки – мы так далеко ушли в освоении исторической практики, что эти «размышлизмы» не могут ввести нас в заблуждение. Это не значит, что мы вслед за К. Поппером станем утверждать, будто невозможно увидеть историческую перспективу, это говорит о том, что нам эти перспективы видятся уже иначе, чем «исследователям», напористо осваивавшим азы перестройки.

Каждое трансформационное общество одновременно выражает две линии развития, связанные с надеждой и сомнением, и это нормальная психологическая реакция на перемены. Трансформация постсоветского мира в конечном итоге завершится, и каждая страна изберет свой путь, который не будет в тягость остальному миру. И это очень логично, когда люди и общества действуют свободно, сообразуясь с внутренней логикой своих возможностей.

¹ См.: Заявление глав государств-участников Содружества Независимых Государств в связи с 10-летием образования СНГ // Бюл. Исполнительного комитета СНГ. Мн., 2001. № 3 (39). С. 101–103.

² Шумский Н. Н. Экономический и социальный прагматизм как основа дальнейшего совершенствования Содружества Независимых Государств // Белорусский экономический журнал. 2008. № 2. С. 20.

³ Там же. С. 365.

⁴ Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 31.

Поступила в редакцию 09.12.08.

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии.